

СОДЕРЖАНИЕ

1. Имя	11
2. Ипостаси	29
3. Статус.....	52
4. Культ	59
5. Покровительство.....	83
6. Мифологемы	99
7. Мифы	126
Литература.....	152

Индоевропейскими народами бог морей / вод, как известно, почитался, и не на последнем месте: Посейдон у греков (др.-греч. *Ποσειδῶν* «Трясущий землю», крито-мик. *po-se-da-o-po*), Нептун римлян (лат. *Neptunus*, ср. этрусск. *Нефунс*), Варуна индусов и митаннийцев (др.-инд. *Varuṇa*), скандинавский морской великан Эгир (др.-сканд. *Ægir*) или покровитель мореплавания и рыболовства Ньёрд (др.-сканд. *Njörðr*), у кельтов – Ллир (или Маннанн – ирл. *Manannan mac Lir*), прусский Аутримпус (прусс. *Au-trimpus, Autrympus, Antrimpus*), а также, вероятно, упоминаемый М. Стрыйковским литовский *Upinis Dewos* (со rzeki miał w swojej mосу) и иранский Апам Напат (авест. *Apam Napāt* «Сын вод»)¹. Обские угры полагают, что хозяином вод и начальником над всеми водяными духами является бог Ас ики «Обский старик» (Новикова, С. 53)². Относительно же славян полной уверенности в этом нет, поскольку в пантеонах славянских подобная фигура, на первый взгляд, не отмечена, да и жило большинство славянских племен вдали от морей. Безусловно, подобная аргументация не

¹ «Тема водного царства связана с ещё одним индоевропейским мифом, главным героем которого является божество по имени Ner(o)t (букв. «племянник», уравниваемый в правах с сыном), ср. др.-инд. *Apām Napāt* (Апам Напат), авест. *Apam Napāt* (Апам-Напат), лат. *Neptunus* (Нептун), ирл. *Nechtan*. В мифе об этом божестве рассказывается о чудесном источнике – колодце, спрятанном от взоров или таящем в себе сокровища. После того как герой мифа подходит к источнику и обходит его три раза или трижды входит в него (ср. мотив Триты как указание на троичность водного царства), из источника выходят воды, образующие озеро или тройной поток, преследующий героя. В своем течении этот поток доходит до мифического моря» (МНМ 1, С. 531).

² Использование данных только из классических религий древности (античной, ведической) для выведения параллелей со славянской традицией может показаться некорректным – как по причине удаленности явлений во времени и пространстве, так и ввиду декларируемой историческими дисциплинами культурной дистанции между древнейшими государствами (Древняя Греция, Древний Рим, Древняя Индия) и государственными образованиями более позднего времени (Древняя Русь и иные раннеславянские государства). В связи с этим представляется уместным прибегнуть к материалам мифологии обских угров (хантов и манси), культурно, географически и хронологически близким своим соседям – древнерусскому этносу. Впрочем, тут необходимо учитывать обнаруженное исследователями иранское влияние на культуру хантов и манси (Новикова 1991, С. 28–36).

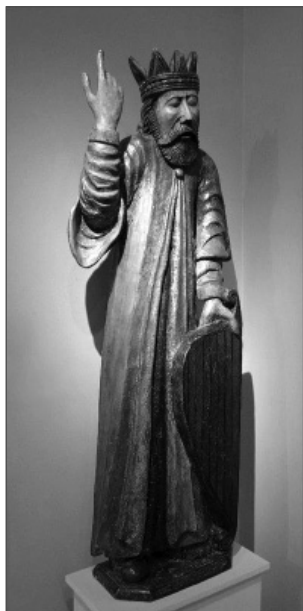
может помешать в изучении вопроса, было ли у славян божество морской / водной стихии. Известные сводные списки пантеонов не обязательно исчерпывают все имена богов славянского Олимпа, ну а праславянская лексема **mor*'e- отмечена во всех славянских языках: ст.-слав. *морѣ*, др.-рус. *море* «море, озеро», рус., блр., укр., болг., макед. *море*, ст.-сербо-хорв. *more*, *morje*, ст.-словен. *morje*, ст.-чеш. *moře*, словац. *more*, в.-луж. *morjo*, н.-луж. *móře*, полаб. *maráyu*, ст.-поль. *morze* «море, озеро», и восходит к и.-е. **morí*-«море», являясь его расширением на -o (ЭССЯ 19, С. 227–229). Из чего, помимо прочего, следует, что, в зависимости от места расселения той или иной группы славянского этноса, владыка вод мог представляться не столько хозяином моря, конкретного или как категории абстрактной или фольклорно-поэтической (*океан-море*), но обитателем водоема более скромных размеров, также называемого морем, как, например, озера Байкал или Ильмень. Из былин о Садко, в частности, видно, что относительно скромные размеры водоема никак не влияют на именование местного хозяина вод морским властителем: «Из того **из озера** из Ильмены // Выходит **царь морской**» (Былины 18/1, № 531), «Как тут-то **в озере** вода всколыбалася, // Показался **царь морской**, // Вышел со Ильменя со озера» (НБ, № 27). И наоборот: несмотря на упоминание моря, его хозяин вполне может именоваться водяным: «Однажды купцу не посчастливилось **на море**, купец посадил корабль на мель, долго бился, но снять не мог. На девятую ночь в полночь на корабль из воды поднялся **водяник**» (Ончуков, № 153).

О том, что славянам, вероятно, был известен бог – владыка вод, исследователям доводилось говорить неоднократно, отталкиваясь от предположения, что отголоском его образа является фольклорный морской царь¹. О нем в разные годы писали

¹ И хотя неоднократно высказывались мысли, что морской царь былин имеет неславянское (финское) происхождение (Миллер, С. 296), представляется совершенно справедливым суждение Э.В. Померанцевой, что вряд ли небольшая разница в деталях его образа в былинах и преданиях дает основания для утверждения о нерусском генезисе былинного образа морского царя» (Померанцева, С. 55).

М.Д. Чулков, А.Н. Афанасьев, В.Ф. Миллер, А.А. Коринфский, Е.А. Тудоровская, Б.А. Рыбаков, Э.В. Померанцева, О.А. Черепанова, И.А. Разумова. Так, А.Н. Афанасьев числит морского царя по разряду богов, легко вписывая его среди покровителей стихий и соотнося с фигурой римского морского божества: «единый владыка грозы раздробился на богов грома и молнии (Перун), огня (Сварожич), воды (Морской царь) и ветров (Стрибог)» (Афанасьев 1, С. 91), «Этот славянский Нептун упоминается и в других сказках» (Афанасьев 2, С. 215). Первым же данную параллель среди отечественных ученых провел, по-видимому, М.В. Ломоносов. В его «Рукописи № 112» приведен параллельный список богов римских и соответствующих им, по мнению Ломоносова, славянских божеств: «Юпитер – Перун. Юнона – Коляда. Нептун – Царь морской...» (Берков, С. 118). А уже в 1786 г., спустя два десятилетия после кончины Ломоносова, М. Чулков уверенно выводит в своем лексиконе: «Царь морской, славяне под сим именем признавали бога, обладателя морями и находящимися во оных животными» (Чулков, С. 306). В советское время о морском божестве специально, как кажется, не писали. Можно лишь отметить небольшую статью Ю.М. Золотова, посвященную одной из вероятных зооморфных ипостасей славянского бога вод. Сделанные автором, причем на весьма ограниченном материале, интереснейшие выводы удалось подкрепить в данном исследовании с помощью источников, Ю.М. Золотовым не использованных. Однако, помимо общих предположений и констатаций, далее шагов в изучении образа морского божества сделано не было, и данную лакуну хотя бы отчасти можно попытаться заполнить.

Очевидным представляется, что, помимо фольклорного отражения владыки вод, по-видимому, сохраняющего архаичные черты связанной с ним традиции (мифологии, культа), параллельно развивался двоеверческий образ, за счет слияния фигур древнего божества вод и представителей христианского пантеона, должных по возможности перенять его функции. Потреб-

Святой Николай
Можайский, 2-я
половина XVII века.
Дерево, левкас,
темпера, резьба.
Смоленск.
Вылитый Морской
Царь!

ность в морском / водном божестве, как минимум в ипостаси защитника плавающих на водах (моряков, купцов, послов, воинов) и подателя богатого улова, самым насущным образом ощущалась в постыдном мире среди люда, от водного промысла зависящих, реализовавшись в фигуре св. Николая Мирликийского: *«Никола зимний, он же Никола Мокрый, Никола Морской, требующий человеческих жертв для озера, – прямой наследник архаичного Водяника, Поддонного князя, который «требует живой головы во сине-море»»* (ЯДР, С. 277). Данный представитель народно-православного христианства не только перенял часть функций прежнего владыки вод, но даже получил его эпитеты. Так, в «Справочном месте русского слова» (1839) приводится поправка: *«Никола. Не должно произносить Микола. Говоря: живу у Николы Морского, а не у Миколы Морского»* (Успенский, С. 18). Поморы именовали его еще любопытнее: *Никола Морской бог*, «почитавшийся в прежние времена как покровитель мореплавания

Николай Угодник» (Бадигин, С. 363). Причем в таком качестве образ св. Николая усвоили в ходе христианизации и другие народы: так, калмыками «Микола-бурхан» был включен в пантеон духов-хозяев Каспийского моря, охраняющих рыбаков на море (Орлова, С. 187). Весьма примечательно участие св. Николая в былинах о Садко и Морском царе: святой просит веселящего Морского царя гуслера прервать свою игру, чтобы остановить разразившуюся на море бурю, в чем можно увидеть столкновение двух конкурирующих образов властителей морской стихии прежнего

и нового. За первым признается источник морской непогоды и угроза кораблям, за вторым – спасение от непогоды на водах.

Николай Угодник оказался не единственным дублем морского владыки: «св. Петр имеет в народе прозвище «рыболов» и считается покровителем рыбного промысла. По всему выходит, что он принял на себя функции языческого духа-«хозяина» воды и стал ведать рыбными угодьями – соответственно, именно Петру стали молиться рыбаки и просить у него доброго улова» (Никитина, С. 115), «По народной версии, «Петры и Павлы рыбу ловили – вот Пётр-то и стал рыбий Бог» (Октябрьский район, с. Русский Сарс)» (Подюков 2013, С. 88). Заговоры на обеспечение удачного улова обращаются к святым Петру и Павлу, как к посредникам между рыбаками и Богом: «первоверховнии апостолы Петр и Павел, Фома и Нафанаил, попросите вы самага истиннаго Христа, чтобы он меня /.../ благословил вашим молением и прозбою» (РЗРИ, С. 537). Либо числят их среди чудесных подателей улова: «здесь святые апостолы Петр и Павел и держат во правых руках Адамов крест, цвет и траву, и золотые ключи, и дают нам, рыболовам /.../ для-ради сохранения нашей рыбной ловли, для красной рыбы, семги и белой рыбы, рака и щуки и прочих разных, всех белых рыб» (Майков, № 321), «Святые апостолы, Петр и Павел, Андрей Первозванный, первые рыболовы /.../ Есть на святом престоле золотые ключи, возьмите эти ключи и отомкните ключ(ами) темный погреб р.Б., пригоните мелкой и крупной рыбы» (РЗК, № 437), «св. апостолы Петр и Павел, помогите, пособите мне, рабу Божию (имярек), сети закидать и рыбу всякую загонять» (Камасинский, С. 148), «Стану кидать свои ловушки и поклонюсь апостолам Петру и Павлу: пособите мне закинуть ловушку и рыбу всякую поймать» (Кирьянов, С. 136), «рыбалку нередко предваряют просьбой «Пётр-Павел пророк, дай рыбы на пирог» (Гайнский район, д. Мысы)» (Подюков 2013, С. 88). Значительно реже встречаются иные представители христианского пантеона: «Идет путем дорой Гавриил. Гавриил, Божий ключник! Отомкни золотым ключем, глубокія моря, широкия реки, озера, ручейки и речки; гони рыбы в мои благословенныя ловушки» (СП, С. 683), «Лука замучник, залучи мне,

рабу Божию (имрек), всякую животрепещущую и влову рыбу» (НС, С. 978). Далее в этом направлении исследование представляется не особенно перспективным, поскольку иных специфических черт морского владыки, за исключением, пожалуй, ключа, в образе и культе данных персонажей не наблюдается.

Если же обратиться к источникам, сохранившим и так довольно скудные сведения о языческих верованиях славян, то фигура владыки вод в них напрямую, по всей видимости, не обнаруживается. Имеется лишь несколько зацепок, позволяющих поставить вопрос о нем, помимо сравнительного анализа мифологий. В «Хождении Богородицы по мукам» (XII в.) упоминается о людях, что *«забыша бога и вероваша юже ны бе тварь бог на работу створил, то то они все боги прозваша солнце и месяц, землю и воду, звери и гады...»*. О том же говорит и «Слово на память епископа»: *«...но ты того (Бога) оставив, рекам и источникам требы полагаеши и жреши яко богу твари бездушной»*. Здесь можно увидеть прямые указания на поклонения водам. Второй пример говорит не просто о подношениях воде, что сохранились в исполнении рыбаков вплоть до настоящего времени, но, как божеству, олицетворенным водам. Первый же пример позволяет сделать более серьезные выводы. Вода, в изложении этого источника, отнесена к разряду божеств высшего уровня – солнца, месяца и земли. Обличитель язычества избегает имен, низводя суть языческих культов к поклонению «твари», и этого для него достаточно. Метод этот прост – провести обратную аналогию: не Перун как бог грома, но поклонение грому под таким именем, не Сварожич как бог огня, но как обожествленный суеверами огонь, и т.д., как в «Слове Златоуста»: *«И начаши жрети молнии и грому и солнцу и луне»* (Гальковский 1, С. 46). Но сама выборка составителя «Хождения Богородицы по мукам» показательна, и автор невольно проговаривается о ряде элементов обличаемого им явления, делая для исследователя очевидным одно: персонифицированные воды имели высокий статус в славянском пантеоне, хотя и уступая несколько божествам солнца, месяца и земли. «Слово и откровение св. апостол» (кон. XV–XVI в.) вписывает божество вод (расширительно – возможно, вместе с

«семейством») в логичную и вполне типичную языческую картину мира (которую можно восстановить для славян по косвенным данным), делящую белый свет на уровни, которыми заведуют разные божества: *«глять бо ово сут бози небеснии, а друзии земнии, а друзии польствици, а друзии воднии»*. Такое деление на стихии / уровни (стоящие за ними божества) сохранилось в «Беседе трех святителей» (вопрос 7), где удивительным образом морская стихия оказывается персонифицирована и причислена к самому сакральному уровню через символическое уподобление: *«Вопрос. Что суть высота небесная, широта земная, глубина морская? Ответ. Высота небесная – отец, широта земная – сын, глубина морская – дух святой»* (Романов 5, С. 272). В «Житии Константина Муромского» (XVI в.) подтвержден, но никак не детализирован тот же высший статус владыки вод: *«Не нарицайте себе бога... ни в реках, ни в студенцах»*. Наконец, в «Слове Григория Богослова» (XI в.) читаем: *«Овъ реку богыну нарицаеть и зверь живуць в ней, яко бога нарицаь, требу творить»*. Подробнее данный текст будет проанализирован далее, пока же стоит отметить статус, которым наделена что река, что некое существо, названное обличителем «зверем». Прочие многочисленные тексты обличений, где говорится о поклонениях источникам, колодезям и озерам (Гальковский 1, С. 47–50), мы опустим, поскольку они хотя и говорят о культе, связанном с водой, для нашей темы не информативны.

Большого из более-менее современных язычеству текстов извлечь не удастся, посему имеет смысл обратиться к источникам позднего времени – фольклорным текстам. Образ хозяина вод довольно четко прописан в заговорах, сказках, былинах, а также сохранился в быличках, но уже как отголосок, и здесь его можно обнаружить только при упоминании ярких черт, выходящих за рамки того, что подобает «обычному» водяному духу. Сказки и былины позволяют предположительно судить о мифах с участием морского божества славян. Заговоры же демонстрируют высокий статус мифологического персонажа (далее – МП) и его место в мифологической картине мира, обрисовываемой этой группой текстов.

1. Имя

Первым делом, несмотря на скудость исторических данных, имеет смысл поставить вопрос об имени морского божества. Было ли оно, и если да, то какое? Здесь мы переходим от скудных, но фактов к гипотезам: на основании дошедших до нашего времени источников можно попробовать выявить имя языческого владыки вод.

1.1. В двух русских заговорах («Молитва на свадьбу ехать» и «Молитва, тем же молитвам замок свадебный») из рукописи, датируемой XVII в. (Великий Устюг), появляется любопытный образ царя Трояна: *«Здыни же, Боже, ветри за святое море Окиян ко царю ко Трояну по тридевять ключев морских»*, *«Здуни же, Боже, с небесь ветри своим Святым Духом за святое море Окиян, ко царю ко Трояну, по те по тридевят ключей морских святаго моря Окияна и царя Отрояна, и емли ту тридевят ключев святаго моря Окияна и царя Трояна»* (ОЧР, С. 220, 222). Это уникальное свидетельство. Нет сомнения, что речь идет о том же самом божестве, что упоминается рядом исторических и одним литературным источниками: *«то они все боги прозваша: сълнце и месяц, отъ камени ту устроя Трояна, Хърса, Велеса, Перуна»* («Хождение Богородицы по мукам»), *«и въ прельсть великоу не внидут мняще богы, многѣи Пероуна и Хорса, Дыя, и Трояна, и инѣи мнози»* («Слово и откровение св. апостол»), *«Рища (Боян) въ трону Трояню чрез поля на горы»* («Слово о полку Игореве»). Но, если поучения против язычества вместе со «Словом о полку Игореве» ничего о данном божестве не поясняют (исключая попытку истолковать его в качестве римского императора Траяна), вероятно, подробностей попросту не зная, то указанные заговоры могут определенно пополнить наше представление о нем. Поскольку за морскими ключами здесь предлагается обратиться к царю Трояну, следует естественный вывод о его связи с

морем. Хранить морские ключи, очевидно, на дне морском, как месте едва ли не самом труднодоступном, уместно как раз морскому владыке. Заговоры, замыкаемые под конец неким умозрительным ключом, зачастую отправляют его для надежности как раз в море-океан, вероятно, перепоручая их, таким образом, владыке вод. Подразумевается, что уже никто без его воли данный ключ достать, нарушив тем самым заговор, не сумеет. Второй из приведенных заговоров описывает возвращение морских ключей обратно, хотя и без упоминания имени Трояна: *«И отпускает те тридевет ключев во святое море Окиян по синь камень во веки веком»* (ОЧР, С. 223). Данный вывод можно подтвердить параллельным текстом, где в аналогичном случае описан как раз морской царь: *«из моря глубины придет царь морской с тридевятью замками, с тридевятью ключами, тридевять ворота затворити и тридевятью замками замкнет и ключи в море бросит»* (Ефименко 1878, № 55н; Майков, № 313). С именем Трояна, возможно, перекликается весьма необычное имя героя украинских и белорусских сказок, которому поручается добыть, ни много ни мало, морскую деву: укр. *Трём-син-Борис* (Чубинский 2, № 76), *Трёмсин* (Драгоманов, С. 288), блр. *Трём-сын* (Романов 3, № 41). А на связь подобных имен с индоевропейскими теонимами, причем относящимися к водной стихии, уже указывалось В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым: *«Еще один круг мифологических персонажей, связанных с обозначением нижнего мира, объединяет ряд божеств, чьи имена восходят к индоевропейскому *Trit-: древнеиндийскому Trita, Trita Aptya, «Трита Водяной» (ср. хетт. Нар-, «бог ручья», «бог потоков», «бог-судья» при ордалиях), авест. Θrita, Θraētaona (Траэтаона) и т.д., ср. также др.-греч. Τρίτων (Тритон) как обозначение морского мифологического персонажа или потока, а также ирл. triath «море». С этими персонажами связан миф о спуске героя в колодец (иногда вследствие предательства двух старших братьев); само имя Trita, вероятно, обозначает «третий» (брат или мир, который*

так обозначается в сравнении с двумя предыдущими мирами – небом и землей). Он попадает в нижний мир, добывает богатства или живую воду, которые позволяют преодолеть смерть и вернуться к жизни на земле (другие варианты спуска в преисподнюю и путешествий в загробном мире, например в мифе об Орфее и Эвридике; ср. также героя русских сказок о трех царствах, которого иногда называют Иван Водович или Иван Третий, Третьяк)» (МНМ 1, С. 530–531). Ср. также появление в рукописном заговоре от недругов фигуры царя Шустии, определенно связанного с морской стихией и символикой числа «три»: *«Есть море окиян, есть в том в окияне мори царь Шустия, у царя Шустия 3 сына булатных. И будите мне в помощ(ь) супротив моег(о) недруга»* (РЗРИ, С. 143). Если же высказанная гипотеза о природе Трояна верна, то прочие упоминания его имени следует отнести к редким примерам, зафиксировавшим образ морского владыки.

Данную версию подкрепляют упоминания о западнославянском божестве Триглав, чье имя определенно связано с именем Троян. У Адама Бременского (Деяния архиепископов Гамбургской церкви. II.22) упоминается божество, почитавшееся в славянском городе Волин (Юмна): *«Нептун известен там троякого вида»*. Сравнение с Нептуном дает понять, что речь идет о владыке водной стихии. И, хотя славянское его имя автор не приводит, указание на «троякий вид» дает понять, что речь идет о Триглаве: *«(В Юлине) некоторые роды сохраняли своих идо-*

Изображение Триглава.
Современная работа

лов и собственные обряды: в общественном исповедании – Триглава, трехглавого Бога» (Давид Хитреус. «Саксонская хроника» (XVI в.). Пер. Д. Дудко). Еще одним свидетельством, подтверждающим связь Триглава с водами, может являться следующий пример: «Герман [(слуга Оттона)] в варварской шапке и одежде, после многих трудных приключений в пути придя к той вдове, заявил, будто он **спасся из бездны бурного моря**, воззав к Богу своему Триглаву, и потому желает принести ему надлежащую жертву за своё спасение, побужденный этим чудесным случаем пройти неведомым путем. (Эббо. Житие Оттона Бамбергского). Взывать на море о спасении уместно, в большей степени, к «славянскому Нептуну».

1.2. В Софийском (XV в.) и Чудовском (XVI в.) списках «Слова Григория Богослова» упоминается божество Переплут, в честь которого плясали и пили из рогов: *«и Переплутуоу, и верьтячесья пьютъ емоу въ розехъ»*, *«Дружии вероують в Стриб(о)га, и Дажьб(о)га, и Переплоута, иже вертячесья и пьют ему в розе(х)»*. Уточняющая информация о пляске, быть может, окажется не бесполезна в дальнейшем. Относительно имени загадочного божества, о котором ничего более не известно, В.Н. Топоров и В.В. Иванов делают любопытное замечание: *«Переплут (рус. церковнослав. Переплуть, от рус. «плут», «плутать» или «переплывать», если Переплут имел отношение к мореходству)»* (МНМ 2, С. 303). К сожалению, в дальнейшем это предположение о Переплуте исследователи никак не развили, оставив изучение данного образа за пределами своих интересов. Тем не менее зацепка интересная и ее следует учитывать. Возможна, как кажется, и иная «водная» этимология упомянутого теонима, если Переплут имел отношение к рыболовству (речному, озерному, морскому): азов., астрах., волго.-касп., дон., р. Кама, р. Вятка, керч., Литовская ССР, новг., онеж., пск., сев.-кавк., таганрог., твер. *плут* «поплавок невода, сети», «продолговатый кусок коры для поплавок», урал. *плутеи* «поплавок невода, сети», «грузило невода, сети», пск., твер. «силки», астрах., арх.,

помор., твер., черномор. *плути́во*, *плутево*, *плутово*, беломор., ленингр. *плути́ва*, новг. *плутева* «поплавок невода, сети», олонеч., онеж., *плутивце*, *плутивцо*, *плутивье*, твер. *плутка*, новг. *плут*, новг., твер. *плуть*, *плутья*, *плутьевка*, пск., твер. *плушка* «то же» (СРНГ 27, 165-167). Такая широта ареала употребления названия для поплавок сети указывает на существенную древность термина. Примечательно и то, что списки «Слова Григория Богослова», знающие Переплута, и некоторые из приведенных диалектизмов пересекаются ареально, происходя из земель Новгородской республики.

1.3. Логично допустить также, что Бог моря входил в пантеон балтийских славян, промышлявших пиратством и зависевших, таким образом, от благосклонности морского владыки. Его имя могло затеряться в списках теонимов, приводимых латинскими источниками. Возможно, таким богом моря был Поренут (лат. *Porenutius*; у Саксона Грамматика *Porenutii*, *Poremicii*), имя которого созвучно Переплуту. Саксон Грамматик кратко сообщает о нем, что изображение этого бога стояло на острове Рюген в городе Коренице: «Статуя этого идола имела пять лиц, одно из которых располагалось на его груди, при этом левой рукой он касался лба, а правой держался за подбородок» (Деяния данов. 14.39.41). Впрочем, догадка о сфере покровительства Поренута повисает в воздухе, так как не имеет надежных оснований.

1.4. Можно также выдвинуть предположение, что языческий владыка водной стихии в народе мог быть известен и призываться без особого имени собственного, под общим названием или эпитетом. На такую мысль наводит наличие множества вариантов именований хозяина вод, зафиксированных в фольклорных текстах, как минимум часть которых явно воспринималось в качестве личного имени (фольклоризированного имени сказочного персонажа, наподобие Бабы-Яги или Змея Горыныча). Такое имя может быть как простым, отсылающим к образу вод, так и многосоставным, образованным из суще-